

Главное дело жизни

«Северный край» продолжает публикацию материалов, посвящённых юбилею правоохранительных органов.

Своими воспоминаниями о работе в экспертно-криминалистическом подразделении делится ветеран МВД Игорь Дмитриевич Суворцев.

В августе 1978 года меня, студента третьего курса вечернего отделения юридического факультета Ярославского университета, пригласили для собеседования на предмет возможного приёма на работу экспертом Ярославского РОВД. В то время экспертно-криминалистическая служба представляла собой отдел УВД, в котором трудились четырнадцать сотрудников, включая начальника, по одному эксперту в районных отделах внутренних дел города Ярославля, эксперты криминалистического отделения Рыбинска, пять сотрудников и эксперты райотделов Переславля, Углича, Ростова, Данилова. Спектр исследований был представлен семью видами традиционных экспертиз плюс один эксперт-химик центрального аппарата. Это всё, чем располагала ярославская криминалистика. Тогда я ещё не знал, что не я, а меня нашло самое главное дело всей моей жизни. В небольшом кабинете встретил моложавый подполковник и начал спрашивать не о том, чем я могу быть полезен на службе, а о том, чем интересуюсь, какие у меня взгляды и виды на будущее и, слушая ответы, чему-то улыбался. Наконец я не выдержал и спросил, в чём же будут заключаться мои обязанности. Ответ был достаточно неожиданный. Да, мол, ты этого делать пока не умеешь и ещё не скоро научишься, поэтому всё равно не поймёшь. А проще говоря, быть экспертом – значит видеть то, чего не видят другие, уметь доступным языком рассказать об увиденном и в конечном итоге показать всем, как это увиденное соотносится с событием преступления. А самое главное – нужно быть объективным и никогда не выдавать желаемое за действительное. Так я впервые познакомился со своим будущим начальником Юрием Серафимовичем Викуловым, человеком, который не только был «высоким» специалистом, но и тонким психологом. Процесс становления эксперта-криминалиста – это собирательное понятие, где с накоплением знаний и опыта начинает приходить и своё видение происходящего. Особенную роль в моей жизни сыграл бывший начальник подразделения Виктор Александрович Жуков. Этот человек и после выхода в отставку продолжал работать в подразделении как эксперт-криминалист. В 1984 году я был переведён из Ярославского РОВД в центральный аппарат и должен был специализироваться на судебной баллистике, о которой на тот момент имел весьма смутное представление, а лучшего баллиста, чем Жуков, не знал и не знаю до сегодняшнего дня. То обстоятельство, что впоследствии ряд моих экспертиз прошёл испытания, а выводы эксперта устояли даже в Верховном Суде, несмотря на проведение повторных экспертиз ведущими баллистами страны, говорит о том, что Виктор Александрович не зря потратил на меня время. В частности, запомнилось, как он говорил, что успешное экспертное исследование возможно только тогда, когда оно начинается не в кабинете, а

непосредственно на месте происшествия. Для того, чтобы такое стало возможным, эксперт должен восстановить механизм совершения преступления, понять каждое действие преступника и пройти тем же путём, что и последний. Только тогда будут изъяты именно те следы, которые могут способствовать раскрытию преступления. Для примера можно привести один случай из практики. Банальная кража из строительного вагончика. Преступник проник через окно и похитил одежду и деньги. Кража была совершена у рабочих строительной бригады из Ингушетии, в восьмидесятые годы много таких бригад работало в Нечерноземье. Поиск следов на месте проникновения особенных результатов не дал – поверхность шершавая, и пото-жировые следы найти практически невозможно. Здесь вспомнились слова Жукова о том, что восточные народы и народы Кавказа имеют особенность всегда снимать обувь перед входом в жилое помещение, а это значит, что если я найду следы обуви, это гарантированно будут следы преступника. Поиск прошёл успешно – на фоне множественных следов босых ног в носках имелся только один вид следов обуви. Они были чёткими, по таким можно проводить идентификацию. Я направился к «стайке» молодых людей, которые что-то обсуждали возле клуба. Ночью лил дождь, почва была влажная, и среди множества следов обуви мелькнул знакомый рисунок. Представившись молодым людям, предложил им показать протектор обуви – и вот он, знакомый рисунок. Спросил парня, не хочет ли он что-то рассказать сотрудникам милиции. Тот отказался, и я предложил пройти к машине, где сказал следователю, что молодой человек, по моему мнению, может иметь отношение к событию преступления. Разговор со следователем длился недолго: не прошло и пяти минут, как мы ехали с задержанным изымать похищенное. Можно сказать, случай, везение. В какой-то степени да, но это везение, основанное на знаниях предыдущих поколений криминалистов, ну и в какой-то степени своих. Как-то незаметно шло время, специфика работы была такова, что некогда было задумываться о будущем. Но жизнь не стоит на месте. Происходят изменения в законодательстве, и всё труднее собирать доказательную базу. Вместе с тем на службу криминалистике пришли наукоёмкие технологии. Во второй половине девяностых годов мы начали исследовать речевой сигнал, внедрять автоматизацию дактилоскопических учётов, делать первые шаги на пути генотипоскопии. Совершенно на новый уровень вышли исследования жидкостей, наркотических веществ, развивалась взрывотехника, пожарно-техническая и автотехническая экспертиза, медико-криминалистические, компьютерные исследования и, конечно, судебно-бухгалтерская экспертиза. Служба превратилась едва ли не в индустрию добывания доказательств по уголовным делам. Три года назад, закончив службу в органах внутренних дел, я вышел в отставку. Сейчас работаю совсем в другом направлении, но часто ловлю себя на том, что всё так же продолжаю видеть то, чего другие не видят.